

ОГОНОЕЖЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 19

Понедѣльникъ, 10 (23) сентябрь 1907 г.

№ 19

55-лѣтіе литературнаго труда Л. Н. Толстого.

Последній портретъ. (Собств. Редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“).

Великий пахарь русской земли.

(55-лѣтіе литературной дѣятельности).

Въ четвертой книгѣ „Царствъ“ записано красивое сказаніе о разставаніи пророка Іліи съ Елисеємъ.

Когда пришелъ для Іліи часъ быть взятымъ отъ земли, пророкъ сказалъ ученику: „проси у меня, чего ты хочешь“. И сказалъ Елисей: „пусть сойдетъ на меня вдвойнѣ духъ, который почитаетъ на тебѣ“. И стало такъ, и прошелъ Елисей свою жизнь съ этимъ сугубымъ даромъ послѣ того, какъ получилъ отъ своего учителя плащъ, увидѣлъ его, уносящагося въ небо, и воскликнулъ свое: „отче, отче, колесница Израилева и конница Его!“..

Въ 1852-мъ году умеръ Гоголь — первый изъ нашихъ мучениковъ идеи, искателей правды. Въ 1852 году, пятьдесятъ пять лѣтъ назадъ, появилось первое произведеніе Льва Толстого. Уходящій съ земли великій художникъ и властитель думъ какъ бы устанавливалъ на Руси непрерывное преемство творческаго дара, уступая мѣсто другому великому художнику и властителю думъ.

Ужъ въ сознательномъ возрастѣ, въ расцвѣтѣ силъ, Толстой могъ встрѣтить смерть Гоголя и почувствовать пустоту, образовавшуюся съ его уходомъ. Теперь, когда надъ Толстымъ сгустились тѣни глубокаго вечера, когда онъ стоитъ передъ нами во всей полнотѣ своихъ исканій правды на землѣ, своихъ мечтаній о лучшемъ человѣчествѣ, — можно сказать, что сугубый даръ пророческаго порыва и безпокойства легъ на немъ, преемственно отъ Гоголя. У исторіи своя логика и своя мистика. Можетъ быть, только мы, отвлеченные мелкими фактами и цифрами дня, не хотимъ ихъ замѣчать и понимать.

Не будь этихъ случайныхъ сближающихъ цифръ, кажется, и тогда нельзя было бы не замѣтить благословляющихъ рукъ, протянутыхъ тѣнью Гоголя надъ Толстымъ. Что-то до такой степени роднитъ ихъ, какъ художниковъ слова и мучениковъ мысли, что кажется, нельзя было бы придумать именъ, бо-ѣе подходящихъ для сравненія. До Гоголя ни одинъ русскій писатель не горѣлъ такимъ священнымъ огнемъ нравственнаго исканія, не возвышался до такой художнической идейности. Послѣ Толстого почти трудно представить большее напряженіе этого порыва, новый, дальнѣйшій шагъ въ области религиозно-нравственныхъ устремленій.

Человѣкъ, пережившій шестидесяте годы, Толстой стоитъ въ свѣтѣ и тѣняхъ этой эпохи. Своеголанный, капризный и безпокойно-гордый умъ, онъ, въ качествѣ художника, подошелъ съ скепсисомъ ко всѣмъ явленіямъ русской жизни, съ цѣлью всюду найти ложь и фальшь. Чацкій девятнадцатаго вѣка, онъ усумнился въ культуру со всѣми ея благами, въ узаконенной религіи въ искусствѣ, въ семьѣ, въ школѣ, въ личныхъ отношеніяхъ.

Но въ одномъ не усумнился Толстой — въ красотѣ русской народной души. Онъ долго и тяжело искалъ правды въ жизни свѣта, но успокоился лишь тогда, когда рѣшительно сказалъ себѣ, что „правда въ народѣ“.

Въ дѣлу Севастополя, на Кавказѣ, позднѣе въ деревнѣ онъ имѣлъ возможность увидѣть простую красоту народной русской души и убѣдиться, что представителя начала добра, совѣсти и жизни „по божему“, высшей любви къ человѣку и жалостливости — нужно искать, именно, здѣсь, что вся философія обновленія должна сводиться къ возвращенію къ природѣ.

Онъ при налѣ, что его учителемъ Евангелія была тверской крестьянинъ Сотаевъ, — и онъ-то научилъ его высшей любви. „Народъ слабый, — жалъ ты надо“, эти слова, мимоходомъ вло-

женныя имъ въ уста мужика въ „Плодахъ просвѣщенія“, стали основнымъ тезисомъ его взглядовъ на люди. Человѣческая слабость вызываетъ къ всепрощенію, любви, братству, взаимной порукѣ. Только благодаря вліянію такой простонародной философіи этотъ человѣкъ, невѣрующій въ общепринятомъ смыслѣ, спѣлъ на закатѣ жизни восторжен- ный тропарь Богу любви, жалости, состраданія и всепрощенія въ своемъ „Воскресеніи“ — такомъ пламенномъ и сердечномъ призывѣ къ высшей гуманности, безъ различія эллина и іудея, князя и уличной блудницы, какому равнаго не выставилъ весь конецъ прошлаго вѣка.

Нѣтъ ни одного типа въ писаніяхъ Толстого, который бы предстоялъ въ такомъ ореолѣ духовной красоты и простоты, которому бы самъ авторъ такъ полно дарилъ свои симпатіи, какъ типы русскіхъ простецовъ, Платоновъ Карагаевыхъ и Акимовъ, людей крестьянскаго народнаго склада, познавшихъ высокую мудрость отреченія отъ мірскихъ благъ, радость какаго-то наивнаго общечеловѣческаго братства и въ простотѣ своей души познавшихъ Христа.

Карагаевы, одинаково любовно относящіеся и къ пѣльному барину, и къ своему брату-солдату, и къ врачу-французу, юродивые Гришки, косноязычные Акимы, занимающиеся отвратительнымъ ремесломъ, но ни на минуту не забывающіе о высшемъ основаніи жизни и вѣряющіе, что прежде всего и во всемъ „душа надобна“, — вотъ лучшія созданія русскаго художника, которымъ не воспретятъ встать въ первый рядъ его типовъ ихъ солдатскіе обноски, потныя рубахи и грязныя сермяги.

Въ этомъ апофеозѣ русской души — лучшая часть Толстого, то, что всего дороже въ немъ для національнаго сознанія. Это не лесть народу, но радостное убѣжденіе, вырвавшееся со вздохомъ облегченія изъ груди человѣка, слишкомъ привыкшаго обвинять.

И, засвидѣтельствовавъ въ своемъ литературномъ трудѣ эту силу и красоту русскаго человѣка, Толстой личной силою своего художническаго таланта даль образецъ мощи русскаго духа. Онъ явился передъ Европой залогомъ тѣхъ силъ, какія должны развернуться въ народѣ, рождающемъ такого писателя. И въ себѣ самомъ, и въ своихъ сочиненіяхъ онъ далъ воплощеніе русской души. Онъ истинный сынъ широкой и непомѣрной Руси, представитель русскаго человѣка, воспитаннаго просторомъ степей, шумомъ лѣсовъ и вѣковыми традиціями, — способнаго и шумно падать, и геройски дерзать, и каяться, и парить къ небесамъ, и вѣчно колебаться между вѣрой и сомнѣніемъ.

Благодаря этой русской искренности у него хватало смѣлости отречься отъ всѣхъ существующихъ лагерей, осудить всѣ сословные и общественные историческіе предрассудки и стать совершенно особнякомъ. Искренность, съ которою онъ осудилъ передъ всѣмъ читающимъ міромъ прежде всего самого себя, давала ему возможность вслухъ высказать многое изъ того, что всѣ думали и чего никто не дерзалъ высказать. Его неслышанно-смѣлое слово облетѣло весь міръ, коснулось всѣхъ формъ жизни, со всего срывая красивыя тоги и фиговые листья. Анализъ его, какъ кислота, разъѣдалъ явленія жизни, заставляя осѣдять князу всѣми смутно ощущаемую, но скрываемую ложь. Малѣйшая фальшь жизни, малѣйшій диссонансъ ея, мимо котораго обыкновенный наблюдатель проходилъ равнодушно, мучилъ и уязвлялъ Толстого. Не было большаго врага фразы, напыщеннаго слова, приподнятаго чувства, чѣмъ онъ. Только съ его гордынею

мысли и вѣрой въ свою силу можно было выступать съ такимъ протестомъ.

Со стороны виднѣе многое, и эта мысль о воплощеніи Толстымъ всего русскаго прекрасно выражена Брандесомъ. Въ самой наружности этого аристократа по происхожденію, въ которой нѣтъ ничего, напоминающаго о графствѣ, символизировалась типичная вышность русскаго крестьянина. „Но какой это странный крестьянинъ! Эта осанка, эта грандіозная мощь въ простотѣ! Это крестьянинъ-мыслитель, герой, гений, цивилизаторъ! Это кифскій принцъ Геродота, это Микула Селяниновичъ, дитя села, герой земледѣлія съ чудеснымъ плугомъ, который ведетъ свою благословенную борозду по всей необъятной русской равнинѣ. Это національный герой Ілья изъ Муромъ, воскресшій изъ мертвыхъ послѣ тысячелѣтняго сна, чтобы вновь пахать русскую землю и почву, герой, который былъ уже на пути къ богатству, но не сдѣлался богатымъ, а всецѣло слился съ основною русскою идеею — идеею общины. Толстой, къ которому Тургеневъ обратился на смертномъ одрѣ съ послѣдними словами, — Толстой въ наши дни является послѣднимъ великимъ пахаремъ громаднаго царства земледѣлія.“

Зерна, брошенныя Толстымъ за его долгій вѣкъ, дали уже благодатные всходы. Ночная тьма проходить и, что бы ни было, приближается день. И огромно здѣсь участіе гениальнаго старца. Пусть же и радостный разсвѣтъ застанетъ великаго пахаря за его плугомъ, и на радость Россіи продлятся его свѣтлые дни...

А. Измайловъ.

Л. Н. Толстой о себѣ.

I.

Въ февралѣ 1905 г., въ Ясной Полянѣ, въ одинъ изъ вечеровъ велась за чаемъ перекрестная бесѣда. Россія переживала тогда тяжелый кризисъ, и бесѣда вращалась преимущественно вокругъ этого кризиса, съ различными, какъ водится, предсказаніями.

Хозяинъ Ясной Поляны, противъ обыкновенія, не принималъ дѣятельнаго участія въ бесѣдѣ. Льву Николаевичу не совсѣмъ здоровилось, и онъ сидѣлъ съ утомленнымъ видомъ въ сторонкѣ, по-стариковски сгорбившись и скрестивши на колѣняхъ пальцы рукъ. И думы его, видимо, были далеко отъ чайнаго стола. Но, вѣроятно, чтобы не замораживать своимъ молчаніемъ бесѣду, онъ отъ времени до времени вставлялъ какое-нибудь замѣчаніе и опять отдавался своимъ думамъ. Бесѣда, однако, не разогрѣваемая ярко-противоположными мнѣніями, начала затихать, и наступила длинная пауза. Тогда одинъ изъ гостей, жадно ловившій каждое слово Льва Николаевича, подошелъ къ нему и, нѣсколько волнуясь, сказалъ:

— Левъ Николаевичъ, вы больше всѣхъ насъ знаете въ дѣлахъ человѣческихъ и дальше насъ видите... Такъ вотъ, интересно бы знать, какъ же вы смотрите на теперешнія событія? Куда они могутъ привести измученную Россію?

— Ахъ, мой другъ! Такъ трудно тутъ что-нибудь предсказать, — сказалъ, вздыхая, Л. Н. и, какъ бы экономизируя слова, добавилъ тихо: — такъ трудно! Столько вѣдь тутъ разныхъ путей. Сосредоточить Россію все свое вниманіе на дальне-восточномъ вопросѣ, — одинъ путь; передвинуть центръ тяжести на внутреннія дѣла, — другой; спустить репрессіи, — третій; перейти на конституціонныя

формы,—четвертый и т. д. до бесконечности. У государства вѣдь, какъ и у человѣка, тысячи различныхъ возможностей... тысячи возможностей. Я вотъ о себѣ думаю: изъ меня выйдетъ писатель, но могъ выйти и военный, и игрокъ, и все, что угодно...

II.

Нѣкоторыхъ изъ гостей изумили послѣдніе слова. Они никакъ не могли представить себѣ автора „Войны и мира“ въ видѣ какого-нибудь бригаднаго генерала или завсегдагя чторнаго клуба... А между тѣмъ Л. Н. Толстой говорилъ серьезно, и у него дѣйствительно были возможности сдѣлаться и военнымъ, и игрокомъ, и т. п. Но возможность—только по себѣ, еще не гарантирующей жатвы. И, какъ поѣздъ желѣзной дороги, подходя къ станціи, можетъ пойти по одной и по другой линіи, но попавши на переводную стрѣлку, принимаетъ опредѣленное направленіе, такъ и на человѣческихъ путяхъ имѣются свои переводныя стрѣлки, дающія различнымъ возможностямъ все-таки лишь извѣстное направленіе. Была такая стрѣлка и на пути Льва Толстого и заключалась въ его сердцевины, отдѣлившей его неустрашимой чертой не только отъ другихъ людей, но даже и отъ его родныхъ братьевъ, жившихъ и развивавшихся вмѣстѣ съ нимъ, при одинаковыхъ условіяхъ.

И, зная толстовскую сердцевины, можно сказать съ утвердительною, что лежавшія въ Толстомъ возможности игрока и военнаго, и „всего, чего угодно“, все-таки не могли бы въ своемъ развитіи слиться съ его природой и образовать неразстворимый сплавъ. Изъ Толстого—игрока или военнаго постоянно выдѣлялся бы Толстой—христіанинъ, какъ изъ взбалтываемой воды съ масломъ сейчасъ же выдѣляется вода, какъ только взбалтываніе прекращается. Какъ ни завлекательна, напримѣръ, военная карьера, но она по самому существу своему строго ограничена извѣстными формами и рамками. Авторъ же „Исповѣди“ по своему существу представляетъ какъ бы центральную силу, всегда стремящуюся къ периферіи условій жизни, постоянно вступающую въ треніе съ окружающими явленіями и, какъ пламя, никогда, ни при какихъ условіяхъ не остывающую въ какомъ-нибудь положеніи.

III.

Это—свойство природы Л. Н. Толстого, и изъ всѣхъ возможностей, лежавшихъ въ немъ, только христіанская жажда, съ ея вѣчной неутолимостью, и могла слиться съ толстовской сердцевиной и образовать тотъ драгоценный сплавъ, который извѣстенъ міру подъ именемъ Льва Толстого. И ни въ чемъ это такъ вышло и такъ ярко не выступаетъ, какъ въ отношеніяхъ Л. Н. Толстого къ самому себѣ.

Съ этой стороны онъ представляетъ явленіе, едва-ли не самое интересное въ исторіи человечества. Даже Ж.-Ж. Руссо по безопасности самоанализа долженъ уступить пальму первенства нашему дороговому писателю.

Срывавшій съ поразительной откровенностью покровы съ самыхъ интимнѣйшихъ сторонъ своей жизни, Ж. Ж. Руссо все же оставляетъ вездѣ свое писательское „я“ неприкосновеннымъ, иногда даже, вѣроятно, безсознательно для себя, окружаетъ его ореоломъ.

Л. Толстой не оставляетъ безъ строгой ревізій и этого завѣтнѣйшаго уголка въ своемъ сердцѣ. И въ то самое время, когда весь міръ вѣрнопопанически признаетъ за нимъ права литературнаго монарха и величайшаго изъ

современныхъ моралистовъ, онъ, не обинуясь, зачисляетъ большинство своихъ произведеній въ разрядъ „праздной болтовни“, а, обозрѣвая пройденную имъ жизнь, испытываетъ, по его собственному выраженію, муки ада.

„Когда я сталъ хорошенько вспоминать всю свою жизнь,—пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей,—и увидаль всю глупость (именно—глупость) и мерзость ея, я подумаль, что же—другіе люди, если я, хваленый многими, такая глупая гадина? А между тѣмъ вѣдь это объясняется еще тѣмъ, что я хитрѣе другихъ. Это все я вамъ говорю не для красоты слога, а совѣмъ искренно. Я все это пережилъ“.

И, приведя въ видѣ иллюстраціи къ своимъ скорбнымъ думамъ безсмертную эллегію Пушкина:

„Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“,

Л. Н. добавляетъ, что въ приведенномъ стихотвореніи онъ измѣнилъ бы только послѣднюю строчку и, вмѣсто: „строкъ печальныхъ“, поставилъ бы: „строкъ постыдныхъ не смываю“.

IV.

Нѣтъ у него при воспоминаніяхъ ласкающей улыбки и къ своей литературной весѣ, и къ своему первому благоуханному произведенію: „Исторія моего дѣтства“.

— Я перечель,—говоритъ онъ,—мое писаніе подъ этимъ заглавіемъ и пожалѣлъ о томъ, что написалъ это: такъ нехорошо, литературно неискренно написано. Оно и не могло быть иначе, во-первыхъ, потому что замыселъ мой былъ описать исторію не свою, а моихъ пріятелей дѣтства, и оттого вышло нескладное смѣшеніе событій ихъ и моего дѣтства, а, во-вторыхъ, потому что во время писанія этого я былъ далеко не самостоятельнымъ въ формахъ выраженія, а находился подъ вліяніемъ сильно подѣйствовавшихъ на меня тогда двухъ писателей: Стерна („Сантиментальное путешествіе“) и Тепфера („Библіотека моего дяди“). Въ особенности же не понравились мнѣ теперь двѣ послѣднія части: „Отрочество и юность“, въ которыхъ, кромѣ нескладнаго смѣшенія правды съ выдумкой, есть и неискренность, желаніе выставить, какъ хорошее и важное, то, что я не считалъ тогда хорошимъ и важнымъ—мое демократическое направленіе...

Поистинѣ безпощадный самосудъ!

Но было бы несправедливо предположить, что столь строгое отношеніе къ себѣ явилось у Л. Н. Толстого только въ послѣднее время, какъ нѣкая отрыжка послѣ роскошнаго пира, которымъ его угощали боги.

Въ 1863 году, въ самый расцвѣтъ своего художественнаго генія, Л. Н. Толстой писалъ А. Фету:

„Я живу въ мірѣ, столь далеко отъ литературы и ея критики, что, получая такое письмо, какъ ваше, первое чувство мое—удивленіе. Да кто же такое писалъ „Казакъ“ и „Полвкушку“? Да и что разсуждать о нихъ! Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ...“ „Полкушка“—болтовня на первую попавшуюся тему человѣка, который „владеетъ перомъ“; а „Казакъ и“—„съ сукровицей“, хотя и плохо“...

V.

Но нигдѣ, быть можетъ, самоотношеніе Л. Н. Толстого не достигаетъ такой безпощадности, какъ въ его сурово-саркастическомъ отзывѣ о такъ называемомъ петербургскомъ періодѣ жизни, послѣ пріѣзда его съ театра войны и блестящихъ успѣховъ въ обществѣ и въ литературѣ.

„Везъ ужаса, омерзѣнія и боли сердечной,—говоритъ онъ—не могу вспомнить объ

этихъ годахъ. Я убиваль людей на войнѣ, вызываль на дуэли, чтобы убить; проигрываль въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ, казилъ ихъ, блудилъ, обманываль. Ложь, воровство, лободѣнія всѣхъ родовъ, нѣянство, насиліе, убійства... Не было преступленія, котораго бы я ни совершалъ, и за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственнымъ человѣкомъ... Такъ я жилъ десять лѣтъ. Въ это время я сталъ писать изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости. Въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ то же самое, что и въ жизни. Для того, чтобы имѣть славу и деньги, для которыхъ я писалъ, надо было скрывать хороше и выказывать дурное. Я такъ и дѣлалъ. Сколько разъ я ухитрялся скрывать въ писаніяхъ своихъ подъ видомъ равнодушія и даже легкой насмѣшливости тѣ мои стремленія къ добру, которыя составляли смыслъ моей жизни. И я достигалъ этого: меня хвалили“...

„26-ти лѣтъ я пріѣхаль послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли, какъ своего, льстили мнѣ. И не усѣлъ я оглянуться, какъ словесные писательскіе взгляды на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала... Я—художникъ, поэтъ, писалъ и училъ, самъ не зная, чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушаніе, помѣщеніе, женщины, общество: у меня была слава. Стало быть, то, чему я училъ, было очень хорошо“...

И, обливъ желчью своего сердца цвѣтущія нѣкогда страницы своей жизни, Л. Н. добавляетъ:

„И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности“...

Но это не совѣмъ такъ. Дѣло было не въ отсутствіи сомнѣнія, а въ чемъ-то другомъ.

И если бы дымъ сжигаемыхъ кораблей не застилалъ автору „Исповѣди“ ироденнаго имъ пути, то онъ увидѣлъ бы сзади себя уже не мало поверженныхъ жертвъ сомнѣнія въ истинности „этой вѣры“.

VI.

Переѣхавъ въ концѣ 40-хъ годовъ въ Ясную Поляну послѣ неудачныхъ университетскихъ занятій, Л. Н. въ теченіе трехъ лѣтъ вспахиваль и подготавливалъ почву для будущихъ поспѣвовъ. Онъ составлялъ правила высоко-нравственной жизни, держаль себя на вожжахъ, предавался аскетизму, жилъ полуотшельникомъ, но... не удерживался въ равновѣсіи и падалъ, грѣшилъ, затѣмъ опять поднимался на гребнѣ своихъ успѣховъ, но опять срывался, приходилъ въ отчаяніе, горько жаловался и горько слезы лилъ. И все это, разумется, не прошло безплодно, давши ему закалъ въ перемежающейся борьбѣ для будущихъ великихъ сраженій.

Переѣхавъ въ 1851 г. на Кавказъ, подъ вліяніемъ разстроенныхъ дѣлъ и недовольства собой, Л. Н. и тамъ, среди первобытныхъ условій жизни, не расстается со своей неутолимой жаждой самосовершенствованія и наполняетъ письма зарницами и молніями внутреннихъ переживаній.

„Вчера я почти всю ночь не спалъ,—пишетъ Л. Н. Т. А. Ергольской, замѣнявшей и смѣнявшей замѣнить его мать,—написавши въ дневникъ, я сталъ молиться Богу. Сладость чувства, которое я испытываль на молитвѣ, передать невозможно. Я перечель молитвы, которыя обыкновенно творю: Отче, Богородицу, Троицу, Милосердія двери, Воззваніе къ Ангелу Хранителю, и потомъ остался еще на молитвѣ. Ежели опредѣлитъ молитву прось-

Левъ Толстой въ 1851 г.

бою или благодарностью, то я не молился. Я желалъ чего-то высочайшаго и хорошаго; но чего, я передать не могу, хотя и ясно сознавалъ, чего я желаю. Мнѣ хотѣлось слиться съ Существомъ Всеобъемлющимъ, я просилъ Его простить преступленія мои; но нѣтъ, я не просилъ этого, ибо я чувствовалъ, что ежели Оно дало мнѣ эту блаженную минуту, то Оно простило меня. Я просилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что мнѣ нечего просить, и что я не могу и не умѣю просить. Я благодарилъ Его, но не словами, не мыслями. Я въ одномъ чувствѣ соединялъ все: и мольбу, и благодарность. Чувство страха совершенно исчезло. Ни одного изъ чувствъ—вѣры, надежды и любви—я не могъ бы отдѣлить отъ общаго чувства. Нѣтъ, вотъ оно чувство, которое я испытывалъ вчера,—это любовь къ Богу, любовь высокую, соединяющую въ себѣ все

хорошее, отрицающую все дурное. Какъ страшно мнѣ было смотрѣть навсю мелочную, порочную сторону жизни! Я не могъ постигнуть, какъ онѣ могли завлекать меня. Какъ отъ чистаго сердца просилъ я Бога принять меня на лоно Свое! Я не чувствовалъ плоти, я былъ... но нѣтъ, плотская мелочная сторона опять взяла свое, и не прошло часу, я почти сознательно слышалъ голосъ порока, тщеславія, пустую сторону жизни; зналъ, откуда этотъ голосъ, зналъ, что онъ погубилъ мое блаженство, боролся и поддался ему. Я заснулъ, мечтая о славѣ, о женщинахъ“...

А черезъ нѣкоторое время опять тоска по идеалу:

„Съ нѣкотораго времени,—пишетъ онъ,—меня сильно начинаетъ мучить раскаяніе въ

Левъ Толстой въ полѣ.

утратѣ лучшихъ годовъ жизни. И это съ тѣхъ поръ, какъ я началъ чувствовать, что ямогъ бы сдѣлать что-нибудь хорошее“...

Левъ Толстой въ 1862 г.

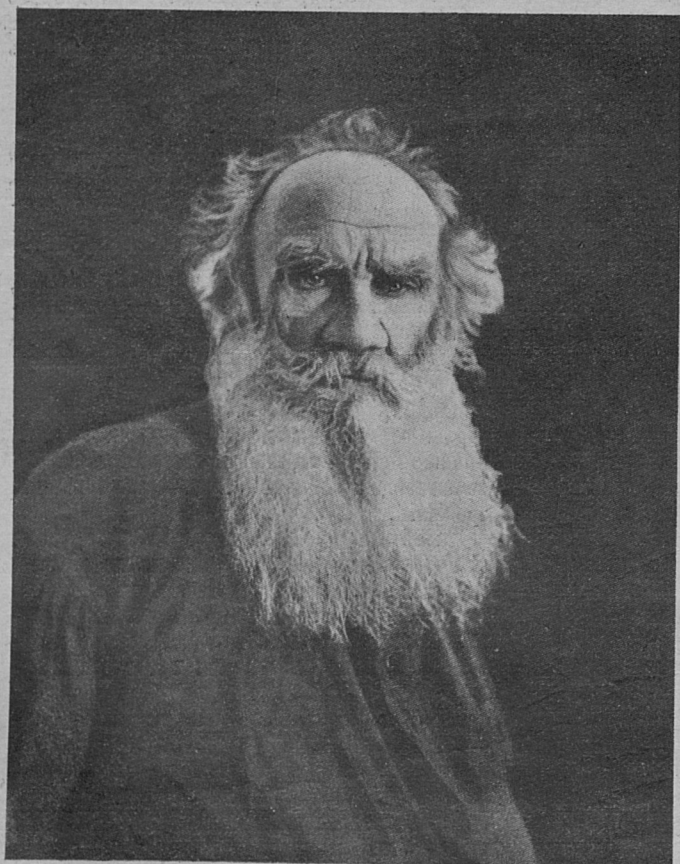
VII.

И вмѣстѣ съ этой томительной тоской внезапно раздается въ душѣ первый смутный зовъ божества, голосъ художника:

„Интересно было бы,—пишетъ Л. Н. въ своемъ дневникѣ,—описать ходъ своего моральнаго развитія; но не только слова, но и мысли даже недостаточны для этого... Есть во мнѣ что-то, что заставляетъ меня вѣрить, что я рожденъ не для того, чтобы быть такимъ, какъ всѣ“.

Но черезъ нѣкоторое время опять прежній лейтъ-мотивъ о своихъ порокахъ и несовершенствахъ:

— Скромности у меня нѣтъ,—пишетъ онъ,—вотъ мой большой недостатокъ. Что я такое? Одинъ изъ четырехъ сыновей отставнаго подполковника, оставшіяся съ семилѣтняго возраста безъ родителей, подъ опекой женщины и постороннихъ, не получившія ни свѣтскаго, ни ученаго образованія, и вышед-

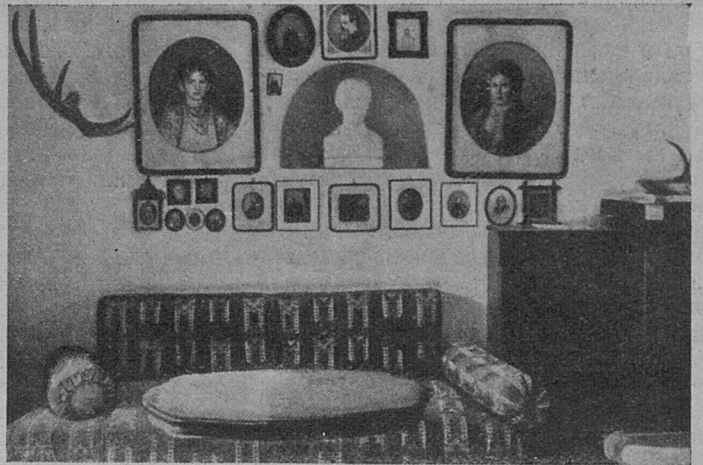
Одинъ изъ послѣднихъ портретовъ Льва Толстого.

Л. Н. Толстой на сѣнокосѣ.

У яснополянского пруда.

Тостиная въ Ясной Полянѣ.

шій на волю 17-ти лѣтъ; безъ большого состоянія, безъ всякаго общественнаго положенія и, главное, безъ правилъ, человѣкъ, разстроившій свои дѣла до послѣдней крайности, безъ цѣли и наслажденій проведшій лучшіе годы своей жизни, наконецъ, изгнанный себя на Кавказъ, чтобы бѣжать отъ долговъ, а, главное, привычекъ, а оттуда, придравшійся къ какимъ-то связямъ, существовавшимъ между его отцомъ и командующимъ арміей, перешедшій въ Дунайскую армію 26-ти лѣтъ, почти безъ средствъ, кромѣ жалованія (потому

жить на свѣтѣ, безъ знанія службы, безъ практическихъ способностей, но съ огромнымъ самолюбіемъ. Да, вотъ мое общественное положеніе! Посмотримъ, что такое моя личность?"

„Я дурень собою, неловокъ, нечистоплотенъ и свѣтски необразованъ. Я раздражителенъ, скученъ для другихъ, нескромненъ, нетерпимъ и стыдливъ, какъ ребенокъ. Что я

ческаго, ни ума свѣтскаго, ни ума дѣловаго“.

„Я честенъ, т. е. люблю добро, сдѣлалъ привычку любить его, и когда отклоняюсь отъ него, бываю недоволенъ собой и возвращаюсь къ нему съ удовольствіемъ, но есть

Handwritten text in Cyrillic script, likely a transcription of a letter or a personal note.

Домъ, въ которомъ родился Л. Н. Толстой.

что тѣ средства, которыя у него есть, онъ долженъ употребить на уплату оставшихся долговъ), безъ покровителей, безъ умѣнія

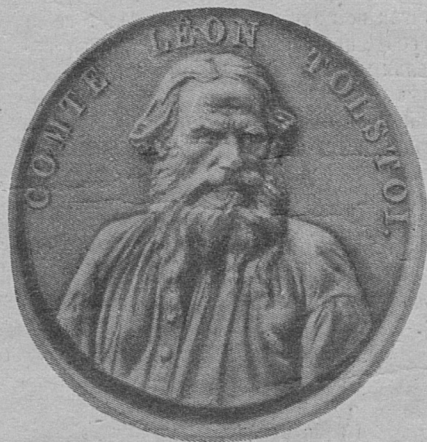
знаю, тому я выучился кое-какъ, самъ, урывками, безъ связи, безъ толку и то такъ мало. Я невожатъ, нерѣшителенъ, непостояненъ, глупо-тщеславенъ и пылокъ, какъ всѣ безхарактерные люди. Я не храбръ. Я неаккуратенъ въ жизни и такъ ленивъ, что праздность сдѣлалась для меня почти неодолимой привычкой“.

„Я уменъ, но умъ мой еще ни на чемъ не былъ испытанъ. У меня нѣтъ ни ума практи-

Страничка одного изъ послѣднихъ писемъ Л. Н. Толстого.

Левъ Толстой за завтракомъ въ саду Ясной Поляны.

Медаль въ память Л. Н. Толстого.

Толстой въ Лейпцигѣ.

Карриатура журнала „Оукъ“. Л. Н. держитъ книгу съ надписью „Истинное христіанство“. Человѣкъ на лѣстницѣ выписываетъ слово „Конфисковано“.

вещи, которая я люблю больше добра—славу. Я так честолюбивъ, и так мало чувство это было удовлетворено, что часто, боюсь, я могу выбрать между славою и добродѣтелью—первую, ежели бы мнѣ пришлось выбирать изъ нихъ... Да, я нескромный, оттого-то я гордъ въ самомъ себѣ, а стыдливъ и робокъ въ свѣтѣ“.

А черезъ нѣкоторое время послѣ этого, проигравъ 2,500 рублей, изъ которыхъ 1,500 рублей были получены на военно-литературный журналъ, затѣянный Л. Толстымъ и А. Столыпинымъ (отцомъ теперешняго премьер-министра), Л. Н. приходитъ къ безнадежному заключенію, что онъ „пустышный малый“.

VIII.

Но усиленно нажатая пружина отдаетъ съ удвоенной силой. И „пустышный малый“ черезъ нѣкоторое время пишетъ въ своемъ дневникѣ:

„Разговоръ о вѣрѣ и божествѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятивъ жизнь. Мысль эта—основаніе новой религіи, соответствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ. Привести эту мысль въ исполненіе, я понимаю, что могутъ только поколѣнія, сознательно работающія къ этой цѣли. Одно поколѣніе будетъ завѣщать мысль эту слѣдующему, и когда-нибудь фанатизмъ или разумъ приведутъ ее въ исполненіе. Дѣйствовать сознательно къ соединенію людей религіей—вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня“.

Но страстный темпераментъ увлекаетъ его въ другую сторону, о которой онъ впоследствии и вспоминалъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Способность Л. Н. Толстого къ безпощадному самоанализу, на которую еще А. Герценъ обратилъ вниманіе, достигаетъ иногда въ немъ такихъ граней, дальше которыхъ идутъ только святые. Вспоминая недавно о своемъ братѣ Дмитріи, человѣкѣ удивительной духовной силы, Левъ Николаевичъ писалъ:

„Я въ послѣдній разъ видѣлъ его уже послѣ севастопольской войны. Онъ былъ ужасенъ: огромная кисть его руки была прикрѣплена къ двумъ костямъ локтевой части; лицо было — одни глаза, и тѣ же прекрасные, серьезные, теперь выпытывающіе. Онъ безпрестанно кашлялъ и плевалъ и не хотѣлъ умереть, не хотѣлъ вѣрять, что онъ умираетъ. Рябая, выкупленная имъ Маша, повязанная платочкомъ, была при немъ и ходила за нимъ. При мнѣ, по его желанію, принесли чудотворную икону. Помню выраженіе его лица, когда онъ молился на нее...“

„Я былъ особенно отвратителенъ въ ту пору. Я прѣхалъ въ Орель изъ Петербурга, гдѣ я ѣздилъ въ свѣтѣ и былъ полонъ тщеславія. Мнѣ жалко было Митеньку, но мало. Я повернулся въ Орль и уѣхалъ, и онъ умеръ черезъ нѣсколько дней...“

„Право, мнѣ кажется, мнѣ въ его смерти было самое тяжелое то, что она помѣшала мнѣ участвовать въ придворномъ спектаклѣ, который тогда устраивался и куда меня приглашали“.

Не задумывается Л. Н. Толстой срывать покровы и съ такихъ дѣлъ, которые были нѣжно связаны съ его сердцемъ. Такъ, организуя помощь для голодающихъ и найдя и въ этой дѣятельности много изъяновъ, онъ говорилъ:

„Съ грустью вспоминаю объ этомъ періодѣ. Особенно гадко дѣлается, когда вспоминаю, что и тщеславіе тутъ играло роль... Самъ же

знаю, какъ меня затащило въ работу по кормленію голодныхъ. Не мнѣ, кормящемуся ими, кормить ихъ, но затащило такъ, что я оказался распредѣлителемъ той блевотины, которую рвало богачей. Чувствовалъ, что это скверно и противно. Но не могъ устраниваться. Не то, что не считалъ это нужнымъ, считалъ, что дѣлжно мнѣ устраниваться, но не доставало силъ...“

IX.

Съ такой же безпощадностью относится Л. Н. Толстой къ себѣ и тогда, когда къ нему обращаются съ запросами относительно несоблюденія его личной жизни съ проповѣдываемыми имъ идеалами жизни. И недавно онъ такъ писалъ по этому поводу:

„Мнѣ бываетъ очень тяжело или скорѣе неловко, что часто слишкомъ расположенные ко мнѣ люди принимаютъ меня въ серьезъ за святого, отыскивая и требуя полного соответствія между словами и поступками.“

— „Какъ же вы говорите то, а дѣлаете вотъ что?“

— „Дая—несвятой и никогда не выдавалъ себя за святого, я—человѣкъ, увлекающійся и иногда говорящій, вѣрнѣе даже—всегда, не вопли то, что думаю и чувствую, не потому, что не хочу сказать, а не умѣю, часто преувеличиваю, просто—ошибаюсь. Это въ словахъ. Въ поступкахъ еще хуже.“

„Я вполне слабый и съ порочными навыками человѣкъ, желающій служить Богу истинной, но постоянно свихивающійся; какъ только на меня смотрятъ, какъ на человѣка, который не можетъ ошибаться, всякая моя ошибка является или ложью, или лицемеріемъ.“

„Если же понимать меня, какъ слабого человѣка, то несогласіе словъ съ поступками будетъ признакъ слабости, а не лжи и лицемерія. И тогда я представляю тѣмъ, что я точно емъ: плохимъ, но искренно, всей душой желающимъ всегда и теперь желающимъ быть всегда хорошимъ, т. е. хорошимъ слугою Бога“.

Въ другомъ письмѣ Л. Н. касается самаго щекотливаго вопроса, который у многихъ на устахъ при встрѣчѣ съ авторомъ „Царство Божье внутри васъ“.

„Ну, а вы, Левъ Николаевичъ,—пишетъ онъ,—проповѣдуете, все проповѣдуете, а какъ исполняете?“

„Вопросъ этотъ самый естественный, и его дѣлаютъ всегда и всегда имъ побѣдоносно занимаютъ мнѣ ротъ.“

„И я отвѣчаю, что я не проповѣдую и не могу проповѣдывать, хотя страстно желаю этого. Проповѣдывать я могъ дѣломъ, но дѣла мои скверныя. То же, что я говорю, не есть проповѣдь, а есть только опроверженіе ложнаго пониманія христіанскаго ученія и разъясненіе настоящаго его значенія“.

Пробѣгая всѣ эти отзывы Л. Толстого о самомъ себѣ, невольно вспоминаешь его заключительныя строки въ одномъ изъ севастопольскихъ рассказовъ:

„Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который былъ, есть и будетъ всегда прекрасенъ— правда“.

Этотъ-то любимый герой нашего писателя и воспринятовалъ бы Льву Николаевичу сдѣлаться и игрокомъ, и „всѣмъ, чѣмъ угодно“.

П. Сергѣенко.

Какъ создавалась «Власть тьмы».

Приходить ко мнѣ въ Ясную старику.

Слезливый, шамкающій, съ свисающей нижней губой. Сталь, оперся о клюку и ищетъ глазами.

— Должно-иго, сюда поцаль... Ублаготвори-иго, милый человѣкъ. У графа былъ сейчасъ. Къ тебѣ послали - иго. На счетъ сынка-то дѣльце. То-ишь и говорить то-иго много и слышать-иго мало. Такъ-то-иго!...—и замолчалъ.

— Все-таки, въ чемъ же дѣло?

— А неутевый. Вотъ и все. Въ волость пойти, чтобъ выпоротъ, не пристало-иго. Не такой я души. Щуняль, щуняль, всѣ слова-иго выкачалъ, а онъ, что твоя стѣна. Стоить и упирается...—

— Не слушаетъ?

— То-то и оно-то-иго... Марина-то дѣвка хороша и изъ нашей деревни. А обиду-иго ей большую причинилъ. Въ Козловѣ служитъ мой-то на станціи, въ ремонтерахъ. А Марина-то кухарила. Ну и было-ли что межъ ними, нѣтъ-ли,—должно быть, было,—а только, что Марина брюхата въ деревню пришла. Никифоръ-то мой женится общалъ ей. Ей родить скоро, а онъ нейдетъ. Вотъ про что толкъ-то...—

— Ну, и что-жь?

— А то, что дѣвку въ ригѣ съ перемету сняли. Въ петлѣ-иго была. Отходили. Я и былъ у него, щуняль. „Женись“, говорю, а онъ и ухомъ не ведетъ. Къ графу звалъ,—идти не хочеть, хощь на арканѣ веди. „Никиша“, говорю, „грѣхъ!“ А онъ бѣлыми дунитъ и дѣдитъ сквозь зубы: „Грѣхъ-то въ мѣхъ“, говоритъ, „да и обь уголь“... И слушать-то задорно! Вотъ я и къ графу ходилъ-то, а онъ къ тебѣ послалъ...—

Въ тотъ же вечеръ мы поѣхали съ Львомъ Николаевичемъ въ Козловку.

— Какъ вамъ нравится этотъ старикъ?—заговорилъ дородой Л. Н.—Эти добавленія, это лишнее „иго“ въ немъ такъ мило, оно говоритъ о чемъ-то недоконченномъ, невыясненномъ... И это всегда лучше въ человѣкѣ, чѣмъ эта граненная ясность и наша интеллигентская отмѣренность въ рѣчи. Я зналъ еще одного такого же старичка, изъ Мясоѣдова,—онъ родственникъ той старушки, что приходитъ ко мнѣ сказки рассказывать, вы ее видѣли? Этотъ старичекъ тоже съ добавками говорить и все „тае, тае“... Мило это такъ и даже красиво въ немъ. И тоже богобоязненный, мягкій. Онъ одно время въ Тулѣ золотаремъ былъ и такъ хорошо рассказывалъ объ этомъ, не смущаясь и безъ пренебреженія. Трудъ все скрашиваетъ. Вотъ кто исполняетъ Буддово: „любите красоту вѣчную“. Надо возвыситься до этого. А трудъ, это—тотъ лифтъ, который поднимаетъ насъ на эту высоту.

Мы ищемъ сюжетовъ, мы избородили и растворили въ порошокъ всю барскую жизнь со всѣми крохотными мелочами... И всегда это, я и на себѣ чувствовалъ, и на другихъ пищащихъ вижу, такъ пусто-вато, такъ коротко. Чувствуешь, что растягиваешь тему, вылизываешь, какъ говорить нѣкоторые, сюжетъ, потому что сама жизнь это—мало, и дѣла и волненія, и всѣ эти переживанія людей этого круга такъ ничтожны, неестественны, что надо большое усиленіе „творчества“ (Л. Н. улынулся при этомъ словѣ), чтобы создать что-нибудь похожее на жизнь, создать иллюзію дѣла, волненія и переживанія. А здѣсь, попробуйте все это охватить!.. Дубъ огромный... Я это дѣло ничего не пишу *), очень въ работу втянулся

*) Это было въ 1896 г.

съ вами, но чувствую, какъ что-то такое откладывается въ душѣ, и тамъ накапливается желаніе писать. Только не для интеллигентовъ, нѣтъ, я думаю, что уже съ ними переговорилъ все. Буду изъ народной жизни и для народа писать. Вотъ аудиторія!

Прошелъ мѣсяць. Прихожу я ко Льву Николаевичу.

— А вы знаете, — говоритъ онъ, — былъ у меня старикъ тотъ, отецъ парня Никифора. Налаживается свадьба. Онъ такъ радъ. Привелъ и старуху свою. Вотъ языкъ-то, какъ та, что на краю деревни, Надега Зубастая, Константина жена. „Я“, говоритъ она, „подъ землей на аршинъ вижу, всѣ 77 увертокъ знаю“. И старика честила, какъ та Константина: „и праличь тебя расшиби, и арестантъ, и колодникъ, и требухъ твой лопни“... Она не хочетъ, чтобъ сынъ женился на Маринѣ.

А старикъ смѣется: „Егота“, говоритъ, „еготой и помереть“. Удивительный старикъ!

— Да! — вспомнилъ что-то Л. Н. — заѣзжалъ къ намъ на-дняхъ Давыдовъ изъ Тулы, рассказалъ потрясающій случай изъ судебной практики, какъ крестьянинъ задушил своего ребенка, прижитаго съ любовницей. Ужасъ! Я когда-нибудь вамъ подробнѣе передамъ... Тоже драма!..

Пролетѣло лѣто, Левъ Николаевичъ заболѣлъ, часто стоналъ, былъ въ жару; долго промучился и, несмотря на лѣченіе московскихъ и тульскихъ врачей, сталъ поправляться.

Я зашелъ ко Льву Николаевичу.

Онъ казался обновленнымъ, съ печатью духовной свѣжести на лицѣ. Предъ нимъ доска, косо укрѣпленная въ видѣ парты съ задоргой, т. е. съ планочкой, прибитой къ кромкѣ и задерживающей все, что на доскѣ (оттого и „задоргой“ называется). Сбоку столикъ съ чернильницей и листиками исписанной бумаги, а чистая бумага лежала на доскѣ.

— Не удержался, — улыбнулся мнѣ Л. Н. — пишу одну вещь. Вы тамъ встрѣтите знакомыхъ. Помните парня въ Козловкѣ? Драма драмой и выидеть. Не знаю, какъ удался; но прямо упиваюсь, оторваться не могу. Кажется, грѣшу.

— Безъ заглавія пока? — спросилъ я.

— Будетъ и заглавіе. Ходъ пьесы и заглавіе подскажетъ. А лица называю тѣми же именами, съ кого списываю. Вотъ видите, тутъ наши знакомые: Надежда, Никифоръ, Марина. Такъ легче ихъ рисовать; я всегда ихъ имѣю предъ глазами и могу легко вообразить себѣ, какъ они будутъ говорить и поступать въ томъ или другомъ положеніи. Потомъ, разумеется, я все это передѣлаю и дамъ имъ другія имена. Скажу вамъ, что выходитъ что-то большое, захватывающее, меня, по крайней мѣрѣ.

Странное ощущеніе. Большую драму я впервые пишу и чувствую далеко не то, что обыкновенно говорятъ объ этомъ. Я не пишу, не описываю, не рисую, а какъ бы это выразиться поближе: выскаю. Это работа рѣзцомъ. Если романистъ — живописецъ, то драматургъ — скульпторъ. У него нѣтъ этихъ свѣтотѣней, этихъ переходныхъ стадій; у него готовые моменты, у него рельефы, и мнѣ кажется, что нѣтъ ничего скучнѣе въ пьесѣ, какъ это назрѣваніе событій на глазахъ у зрителя. Событія эти должны уже созрѣть за сцѣной, выходить готовыми и въ борьбѣ, въ столкновеніи съ другими событіями развивать драму. Это потрясаетъ. Это интересно, это роднитъ съ сюжетомъ и съ тѣмъ, кто этотъ сюжетъ обрабатываетъ. Да... Вотъ я говорю вамъ это и говорю себѣ такъ, но это не значить, что я такъ и буду работать. Событія и лица, переплетаясь, когда они выступаютъ на бумагу, тобой владѣютъ, а не ты ими. Все

равно, какъ карета съ горы спускается. Тутъ ужъ не ты лошадьми, а онѣ тобою правятъ. А когда въ гору ѣхаль, легко можно было и поворотить, и остановить, и что угодно. Чувствую, напр., что монологи не хороши, что въ жизни такъ не бываетъ, а вылетаютъ все-таки, летятъ съ горы...

Черезъ недѣлю были готовы еще два дѣйствія, и спустя нѣсколько дней послѣ этого, когда я пришелъ, Н. Н. Ге встрѣчаетъ меня и благоговѣнно, полупешотомъ рассказываетъ:

— Вхожу это я сегодня къ нему, тихо подкрадся, думалъ, спитъ, не помѣшать бы, а онъ открылъ глаза и указалъ на писанье.

— Только-что кончилъ! — и притянулъ меня къ себѣ.

— Такъ хорошо-о! — говоритъ, — онъ покался... И легко, и ему, и мнѣ...

Такъ была создана „Власть тьмы“.

И. Тенеромо.

Воспоминаніе о Л. Н. Толстомъ.

Ш п и о н ь.

І.

— У насъ есть новый соратникъ, — сказали мнѣ съ тонкой улыбкой Левъ Николаевичъ, когда мы рано утромъ собрались въ поле на косьбу. — Онъ придетъ сегодня овесъ косить, подумимъ его. Милый юноша и рѣшительный такой. Привезъ и жену сюда, барыню и нѣженку, и хочетъ омуничиться. Пробоваль, было, его отговаривать. — „Нѣтъ“, — говоритъ, — это вопросъ моей жизни...“ Посмотримъ!..

Уже время подходило къ завтраку, и мы копчались по второму ряду, — видимъ, съ пригорка быстрой поступью спускается легкій, высокий мужчина съ нѣжными пушкомъ на лицѣ.

— А! — привѣтствовалъ его Л. Н. — штрафовать будемъ. Заспались?.. Познакомьтесь...

Мы пожали другъ другу руки. Рука у него сухая, теплая и женски узкая.

— Я такъ снѣшилъ! — улыбался онъ мягко и нѣжно. — Свое наверстаю. Послѣ солнца буду работать. Нѣтъ, вы не смотрите на меня такъ, Левъ Николаевичъ! — вдругъ обратился онъ къ нему. — Я, ей Богу, заплачу отъ работы. Вы, должно быть, не вѣрите, что теперь я чувствую себя на другомъ берегу и то, что всегда смутно манило и влекло меня неотразимой прелестью, то сейчасъ передо мной. Я еще маленькимъ убѣгалъ въ поле молиться и запахъ конопли въ прѣту, гдѣ я, бывало, заруюсь и стою на колѣняхъ, для меня и до сихъ поръ отдаетъ чѣмъ-то священнымъ, дорогимъ... Я не человѣкъ фразы и прошу принять все за чистую монету.

— И я вамъ буду платить той же монетой, — отвѣтилъ Л. Н. и, положивъ руку на плечи, долго-долго смотрѣлъ ему въ глаза. — Слушайте, не то важно, что вы научитесь пахать, косить, сѣять, дрова рубить, — это, полегчимъ, тоже важно и цѣнно, но уже одно то, что вы рѣшились сбросить съ себя „господина“ и жить по простотѣ, — ужъ одинъ этотъ порывъ для души имѣетъ неизбримую цѣнность и сообщить ей крѣпость и силу надолго.

Первый день ученія вышелъ для него удачнымъ. Онъ быстро освоился съ приемами и въ тотъ же вечеръ уже хотѣлъ пробовать отбивать косу на завтра.

Левъ Николаевичъ пошелъ къ себѣ наверхъ, а мы съ новымъ „соратникомъ“ ушли на деревню. Онъ хотѣлъ познакомить меня со своей женой.

Жена очень ласково встрѣтила его: „Спачка!“ Расцвѣловалась, усадила его на табуретъ и стала разглаживать волосы,

— Уже сбились они у тебя. Колгунъ заведется. Ха-ха-ха!.. На, расчеши!..

И вынула гнутый гребень изъ своихъ волосъ.

— Нѣтъ, я ничего не имѣю, — говорила она послѣ, — будемъ жить въ этой избѣ у Пракскови и будемъ навозъ топтать и картошку чистить. Но только до конца каникулъ. А тамъ опять маршъ въ институтъ. Будущности изъ-за твоихъ чудачествъ мы не должны потерять.

Прошло три мѣсяца. Онъ втянулся въ работу, ходилъ съ крестьянами въ поле, косилъ, пахалъ съ ними, рубилъ лѣсъ, ѣздилъ въ городъ на базаръ съ сѣномъ, съ дровами, съ картошкой.

— Простецкій малый, — говорили о немъ крестьяне. — Только ужъ щуплый больно. Того гляди, вотъ-вотъ переломится.

— И что ему за охота? — подхватывали другіе. Учился въ институтѣ, баринкомъ бы вышелъ, лѣсничимъ бы жилъ, а то тоже мужиковать вздумалъ! Гдѣ ему!..

ІІ.

У Льва Николаевича бывалъ онъ часто и первое время совсѣмъ не читалъ его книги.

— Онъ самъ для меня книга, — говорилъ онъ мнѣ. — Повѣрите, я ѣхаль съ другими мыслями, думалъ пробить короткій срокъ и вернуться; но близость къ этому человѣку меня просто преображаетъ. Меня тянетъ и тянетъ жить здѣсь всегда. Я объ этомъ уже сказалъ своей Мусѣ и написалъ роднымъ. Я рву съ прошлымъ и дѣлаюсъ мужикомъ.

Настала осень. Полились дожди. Работы стало меньше, и мы рѣже видались. Но каждый разъ при встрѣчѣ лицо его становилось все грустнѣй и грустнѣй.

— Она плачетъ и плачетъ и всю душу мнѣ вымотала, — говорилъ онъ. — Родные отказались отъ насъ, перестали посылать деньги. Муся на одной картошкѣ и одномъ черномъ хлѣбѣ сидитъ. Прокофій работу принесъ. Я въ отчаяніи...

Какъ-то разъ утромъ, въ сырой и холодный день онъ быстро открылъ дверь въ мою избу и, запыхавшись и не здороваясь, сразу выпалилъ:

— Я насилу спасъ Мусю. Она пила уже изъ пузырька. Боже мой! (Онъ сталъ ломать руки). Что мнѣ дѣлать? Я люблю ее и не могу видѣть ея страданій. Надо ѣхать. Опять въ проклятый Петербургъ! О, если-бъ вы знали, какая тамъ яма!.. Я не могу вамъ все передать... Когда-нибудь... А теперь помогите мнѣ... Пойдемте со мной ко Льву Николаевичу... Я самъ не смогу говорить.

Мы пошли.

Левъ Николаевичъ былъ боленъ уже второй мѣсяць и теперь выздоравливалъ, но постели не покидалъ. Онъ лежалъ наверху, въ комнатѣ рядомъ съ большой столовой. Кровать была установлена по больничному, т. е. отодвинута отъ стѣны, чтобы сдѣлать больного доступнымъ съ двухъ сторонъ. Онъ читалъ какую-то книгу и, увидавъ насъ обоихъ невеселыми, встревоженно спросилъ:

— Ахъ, Боже мой, не случилось-ли чего-нибудь? Что съ вами, Семенъ Андреичъ? — взялъ онъ его за руку и не выпускалъ ее изъ своей — вы плачете?..

ІІІ.

Семенъ Андреичъ съ перекошеннымъ отъ судорогъ лицомъ и съ спазмами въ голодѣ обратился ко мнѣ:

— Говорите вы, я не могу!..

Я передалъ Льву Николаевичу все и, глазное, что нужны деньги, что ѣхать не на что.

— Я попрошу, я попрошу, — не безпокойтесь, — дотронулся онъ еще разъ до его руки. — Софья Андреевна не откажетъ, я увѣренъ.

Ахъ, Боже мой, какой случай! Ужасно, ужасно!.. Маша! Маша!—сталъ онъ звать дочь свою.

Вбѣжала въ легонькомъ платицѣ и въ крестьянской рубашкѣ повязанная молодая, стройная и гибкая на ходу любимица Льва Николаевича, Марья Львовна.

— Что папочка?—и нагнулась къ нему.

— Дома мама, не знаешь?

— Убѣжала, въ Ясенки только-что убѣжала.

— Эка досада! Ну, когда вернется, я поговорю. За успѣхъ почти ручаюсь; хотя страшная это работа для меня—просить денегъ.—Вы вѣдь знаете это?—сослался онъ на меня.

Марья Львовна спохватилась:

— Папа, а тамъ какая-то повѣстка прибыла тебѣ и письмо.

И она стремглавъ пустилась внизъ и принесла.

Левъ Николаевичъ быстро разорвалъ конвертъ, пробѣжалъ глазами письмо, посмотрѣлъ на повѣстку и радъ-радъ.

— Ну, теперь мы богачи! Вотъ случай, такъ случай! Представьте, письмо изъ Индіи. Какая-то миссъ перевела мою повѣсть „Казаки“ и за переводъ прислала авторскихъ 400 руб. Вотъ это и повѣстка! Мы дѣлимся съ вами пополамъ Семенъ Андрейчъ. Завтра получаемъ деньги, и вы ѣдете. Какъ вамъ нравятся эти англичане, а? Нѣтъ, какъ это мило и какъ въ пору! Я никогда такъ не радовался деньгамъ, какъ сейчасъ.

На слѣдующій день Семену Андрейчу были

выданы деньги, и онъ убѣжалъ съ женой въ Петербургъ.

IV.

Это было осенью 1886 года.

Прошла зима, пролетѣло еще лѣто, и вотъ на пути изъ Смоленской общины я заѣзжаю ко Льву Николаевичу.

Онъ грустный-грустный и держитъ письмо въ рукахъ.

— Вы помните, вѣроятно, того студента, что жилъ здѣсь и работалъ?—сказалъ Левъ Николаевичъ.—Потеряли мы его! Пишетъ ужасное письмо, гдѣ раскрывается все, всю свою страшную тайну. Онъ—шпіонъ. Да. И былъ шпіономъ, когда жилъ здѣсь. Ему поручили слѣдить за нами и все доносить. Онъ жену любилъ, нужны были деньги, и она благословила его на эту должность. Но, живучи здѣсь и увидя насъ ближе и убѣдившись, что не о чемъ доносить, и, будучи тронутъ новымъ взглядомъ на жизнь, онъ искренно увлекся и на самомъ дѣлѣ захотѣлъ жить другой жизнью... Но тутъ опять жена стала на пути. Она увидѣла, что онъ службы своей не исполняетъ, денегъ лишился и можетъ еще подвергнуться гоненію со стороны тѣхъ, вотъ и

разыгралась тогда сцена съ отравленіемъ. Вся эта исторія съ родителями была придумана. Родителями-то, оказывается, были ихъ патроны по сыскной части, и тѣ, дѣйствительно, осердясь, перестали имъ посылать деньги, за бездѣятельность. Плохо работали. Потомъ, когда они переѣхали въ Петербургъ, и онъ опять попалъ въ институтъ, она примирила его съ сыскнымъ начальствомъ и заставила вновь записаться въ это черное число.

Теперь,—пишетъ онъ,—онъ слѣдитъ за другими, его обязанности другія, и намъ про себя можетъ откровенно все рассказать. Жизнь его надломлена... Душа убита... Вотъ прочтите. Какой ужасъ! Какой ужасъ!..

И онъ передалъ мнѣ письмо.

Я не могъ читать его. Меня душили негодование и скорбь.

Левъ Николаевичъ отвернулся.

— Погибшая душа!—вздыхнулъ онъ.—Думаю написать ему. **И. Тенеромо.**

1) и 2) Портреты Л. Н. Толстого. 3) Л. Н. Толстой и его супруга, графиня Софья Андреевна. 4) Л. Н. Толстой въ своемъ рабочемъ кабинетѣ (съ картины И. Е. Рѣпина). 5) Л. Н. Толстой (съ картины И. Е. Рѣпина). 6) Л. Н. Толстой—пахарь (съ картины И. Е. Рѣпина). 7) Л. Н. Толстой въ Москвѣ на переписи (съ наброска И. Е. Рѣпина).